

ОБРАЗ ЕГИПЕТСКОГО ЦАРЯ ПТОЛЕМЕЯ XII АВЛЕТА В РЕЧАХ ЦИЦЕРОНА

В. К. Хрусталёв

В сентябре 80 г.¹ на египетский престол вступил новый царь Птолемей XII, вошедший в историю под прозвищем «Авлет» (древнегреч. Αὐλητής), которое дали ему острые на язык александрийцы. Время его правления пришлось на очень сложный период египетской истории. Неудивительно поэтому, что в исследовательской литературе личность и деятельность Птолемея XII долгое время характеризовались почти исключительно негативно. Его часто изображали как слабого и порочного монарха, неспособного к управлению государством и превратившегося в последние годы своего царствования в безвольную марионетку в руках римлян². Только в работах последних десятилетий стала наблюдаться тенденция к смягчению оценок, и исследователи начали обращать больше внимания на ту сложную политическую обстановку, в которой приходилось действовать египетскому царю³.

¹ Все даты – до н.э.

² *Mahaffy J. P.* A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty. L., 1899. P. 231; *Bevan E. R.* The House of Ptolemy: A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty. L., 1927. P. 357; *Bloedow E.* Beiträge zur Geschichte des Ptolemaios XII. Diss. Würzburg, 1963; *Olshausen E.* Rom und Ägypten von 116 bis 51 v. Chr. Diss. Erlangen, 1963. P. 22–63; *Frazer P. M.* Ptolemaic Alexandria. Vol. I. Oxf., 1972. P. 124–125. Менее категоричен в своих оценках А. Буше-Леклерк (*Bouché-Leclercq A.* Histoire des Lagides. Т. II. P., 1904. P. 172–176), который называет Авлета «ce triste monarque».

³ Основания для «реабилитации» Птолемея XII в глазах современных историков заложили Р. Салливан (*Sullivan R. D.* Near Eastern Royalty and Rome, 100–30 BC. Toronto, 1990. P. 229–248) и Г. Хельбль (*Hölbl G.* A History of the Ptolemaic Empire / Trans. by T. Savadra. L.–N.Y., 2001. P. 222–230; мы ссылаемся на английский перевод, однако первое, немецкое издание работы вышло ещё в 1994 г.). Другие примеры: *Siani-Davies M.* Ptolemy XII Auletes and the Romans // *Historia*. 1997. Bd. 46. S. 306–340; Cicero's Speech Pro Rabirio Postumo / Trans. and comm. by M. Siani-Davies. Oxf., 2001. P. 1–38; *Herklotz F.* Ptolemaios XII. Neos Dionysos – Versager oder siegreicher Pharao? // *Das Ereignis. Geschichtsschreibung zwischen Vorfall und Befund* / Hrsg. von M. Fitzenreiter. IBAES. Bd. 10. L., 2009. S. 137–154; *Hekster O.* Kings and Regime Change in the Roman Republic // *Imperialism, Cultural Politics, and Polybius* / Ed. by P. Derow, Chr. Smith, L. Yarrow. Oxf., 2012. P. 191–199.

Скептическое отношение многих историков к Птолемею Авлету восходит к греческим и римским авторам, так как устойчивый отрицательный образ этого монарха сложился уже в античной литературной традиции (Strab. XVII. 1. 11; Dio Chrys. 32. 69–71; Athen. V. 206 c–d; Lucian. *Calumn.* 16). Отметим, впрочем, что значительная часть негативных отзывов о Птолемее XII принадлежит авторам, писавшим через несколько десятилетий (Страбон), а то и столетий (Лукиан, Дион Хрисостом, Афиней) после его смерти. В этой связи большой интерес представляют свидетельства о египетском царе, оставленные одним из современников и активных участников событий – Марком Туллием Цицероном. В своём докладе мы сосредоточимся только на тех свидетельствах, которые содержатся в речах выдающегося римского оратора. К сожалению, в большинстве из них Цицерон упоминает царя Птолемея лишь кратко и вскользь. Наиболее интересная в этом отношении сенатская речь «Об александрийском царе» погибла почти полностью. Поэтому больше всего внимания мы уделим анализу судебной речи «За Рабирия Постума».

В четырёх речах, произнесённых в период 65–56 гг., Птолемей Авлет появляется лишь эпизодически (за исключением ‘*De rege Alexandrino*’, о которой нам, однако, сложно судить ввиду её фрагментарного состояния). Цицерон дважды (‘*De lege agraria II*’ и ‘*Pro Caelio*’) упоминает его в негативном контексте и дважды (‘*De rege Alexandrino*’ и ‘*Pro Sestio*’) – скорее в нейтральном. В речи «За Рабирия Постума» Цицерон, в риторических целях, представляет нам не живого Птолемея XII с его достоинствами и пороками, а стереотипный негативный образ эллинистического царя, существовавший в сознании многих его слушателей. Авлету приписывается целый ряд отрицательных качеств, ассоциировавшихся в глазах римлян с царской властью: недобросовестность, т.е. нарушение *fides*, коварство, несправедливость, склонность к произволу и тиранические замашки. К этому Цицерон искусно прибавляет ещё и этнические стереотипы, бытовавшие по отношению к александрийцам.